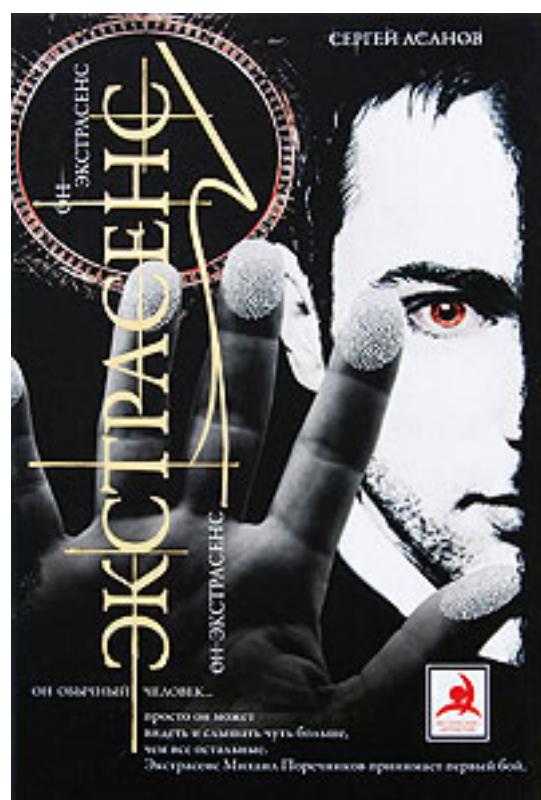

СЕРГЕЙ АСАНОВ

ЭКСТРАСЕНСЫ
ЭКСТРАСЕНСЫ
ЭКСТРАСЕНСЫ
ЭКСТРАСЕНСЫ

ОН ОБЫЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК...

просто он может
видеть и слышать чуть больше,
чем все остальные.

Экстрасенс Михаил Пореченков принимает первый бой.

Сергей Асанов
Экстрасенс
Серия «Экстрасенс», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=177451
Экстрасенс: АСТ, АСТ Москва; Москва; 2009
ISBN 978-5-17-057209-0, 978-5-403-00450-3

Аннотация

Он не считает себя ни волшебником, ни колдуном, ни магом.

Он не умеет наводить порчу и передвигать предметы усилием воли.

Он чувствует страх, и он знает, что такое смерть.

Он обычный человек... просто он может видеть и слышать чуть больше, чем все остальные.

Он – экстрасенс.

Его первый «клиент» – человек на грани отчаяния, оказавшийся не в то время и не в том месте.

В меру циничный и не очень везучий журналист Виктор Вавилов получает в руки Загадочное Нечто, способное перевернуть всю его жизнь.

На первый взгляд обычная видеокамера может решить проблему с кредиторами или устранить богатого любовника собственной жены – достаточно навести ее на нужный объект и нажать кнопку «гес». Но цена, которую придется за это заплатить, окажется слишком высока.

Содержание

	4
Часть первая	5
Виктор	5
Михаил	8
Виктор	10
Михаил	17
Виктор	21
Михаил	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сергей Асанов Экстрасенс

...Как, ты говоришь, тебя зовут? Михаил? Поречников?! Е-мое, ты не родственник тому белобрысому, который в «Девятой роте» в сортире «духов» мочил? Даже не однофамилец? Погоди, как это?.. По-реч-ни-ков... А, точно!.. Две буквы... Капец, бывают же такие совпадения... Ты меня извини, Михаил, я сейчас бред какой-то несусь – сам понимаешь, не соображаю уже ни фига... Короче, я Виктор... типа Победитель по-латыни, соратник Марса и Юпитера, и это тоже совпадение. Уменьшительно – Витя. Мне тоже очень приятно...

Парень, а тебе надо слушать всю эту байду? Зачем тебе? Ты меня, может быть, видишь в первый и последний раз... Думаешь, сможешь помочь?..

Ого, даже так? Люблю оптимистов. Знаешь, я им сам когда-то был. С юных лет, можно сказать, выпитал в себя эту шнягу про стакан, наполовину пустой и одновременно наполовину полный. А есть еще, знаешь, у Шендеровича: оптимиста в детстве уронили... на пессимиста. Здорово, да?

...Хреново мне, Мишаня, реально хреново. Как в КВН у Галустяна с Реввой – «Гадя Петрович Хренова», ага... Не обращай внимания, это я так, хорохорюсь от недостатка кислорода. Почти как в анекдоте: «В моем адреналине крови не обнаружено». Или что там вместо адреналина, когда уже в самой крайней стадии? А, этот самый, гликоген, кажется. У подводников с «Курска» – у тех, кто до последнего держался в девятом отсеке, – при вскрытии в крови обнаружили просто лошадиные дозы этой гадости. Не представляю, что эти пацаны чувствовали перед смертью.

Кхм, не смотри на меня так. Я, конечно, не моряк с «Курска», но анализ крови я бы сейчас делать не стал. Меньше знаешь – крепче спишь.

Все-таки настаиваешь? А что ты можешь сделать?..

Да ну!

Уверен?

Ладно, уговорил. Только давай не здесь. Погоди, я сигарет еще куплю...

...Черт, как же дурно здесь обслуживают...

Часть первая ПЛОХИЕ ДНИ

Виктор

...А вообще, Миш, все началось с того, что я задолжал денег. Пошлятина несусветная. Уж сколько этих вариантов попадалова с невыплатой долга было описано и изображено – туча, начиная от классических утыгов на пузе и заканчивая пулей в башке. Я вот сейчас думаю, что, наверно, лучше было бы сразу поймать еще одну, не предусмотренную природой дырку в черепе, чем все это...

Ну, короче, когда ты за короткий срок должен найти и отдать хорошую сумму денег – и отдать не какому-нибудь чебурашке, который может подождать лет пятьдесят, а реальному пацану с богатой биографией рэкетира! – то вся жизнь вдруг пролетает перед твоими глазами за короткий отрезок времени. Ты начинаешь метаться по комнате в поисках темного угла, постоянно хватаешься за телефон или записную книжку, чешешь репу, думаешь, что у тебя еще есть время – пойду в банк, займу у соседей, ограблю старушку, продам плазменную панель или сдам бутылки... Ну, короче, ты уже готов спорить с Остапом Бендером, который гнал от себя прочь все эти самокопания и самобичевания, ты теперь фигура трагическая, не понятая и не оцененная современниками...

Тьфу, ну и хрень я несу, брат!

Короче, задолжал я хоть и не так чтобы смертельно много, но довольно неприятно, и в один прекрасный июньский денек мой кредитор вызвал меня на последнюю стрелку. Время и место нам выпали довольно странные – практически раннее утро, самое время приема кофе и бутербродов, и к тому же в летнем круглосуточном кафе на набережной возле развлекательного комплекса «Мегаполис». Более романтического ритуала вышибания долга я не припомню.

Звали кредитора Максим. Фамилия его была Червяков. Впрочем, и имя, и фамилию, и оба номера его телефонов я давно удалил из своей записной книжки... Видишь как: мы вычеркиваем их имена и номера, но иногда они, собаки, все-таки возвращаются!..

– Доброе утро, Витя, – сказал Максим, опуская тучную фигуру на соседний стул.

Утро действительно было доброе – светило солнце, по набережной гулял свежий ветерок. Единственное, что портило картину, – это взгляд сидевшего напротив «кровососа», весом в два центнера. Как говорилось в одном бородастом анекдоте, «до тебя здесь не воняло».

– Привет, – осторожно ответил я. – Ты извращенец, Макс, поднять меня в такую рань...

– Кто рано встает, тому Бог дает, – многозначительно протянул тот, – а ты вообще мог бы не свистеть. Я знаю, что ты торчал в «Мегаполисе» всю ночь.

– Пасешь?

– Нет, наблюдаю за перемещениями моего капитала. Как здешний кофе?

– Со сливками...

Я небрежно пожал плечами. Я хотел, чтобы он сразу оценил степень моей утренней неадекватности и понял, что вести со мной какие-либо переговоры бессмысленно.

– Ладно, – сказал Макс, выкладывая на стол пачку «Парламента», – давай сразу к нашим баранам. Старик, я чувствую себя полным идиотом, когда кому-то приходится напо-

минать, что он мне должен четыре штуки баксов. Я не сказал бы, что умру без них голодной смертью, но сам факт, что ты от меня бегаешь, как заяц, глубоко неприятен.

– погоди, погоди! – Я поднял руку. Моя «утренняя неадекватность» не проканала. – По моему, мы уже по третьему кругу пошли. Ты опять за свое? Мы, кажется, уже все обсудили.

– Да ну?

– Конечно. Кидаловом из нас двоих занимаешься ты, а я просто вернул себе свои заработанные деньги. Мне на стене в туалете тебе написать, чтобы ты запомнил?

– Ты заработал гораздо меньше, чем взял! Две придуманных тобой кампании не прошли из-за явно завышенного бюджета. А ведь я тебя предупреждал, что при всем моем человеколюбию и гуманном отношении к журналистам я не могу оплачивать производство мыльных пузырей! Понимаешь? Я даже не могу выразить, как мне неприятно. Вдвойне неприятно, что таким надувательством занимался человек, которому я всегда доверял. М-м-м? – Он вопросительно посмотрел на меня.

Черт возьми, взгляд его карих глаз, похожих на изюм, воткнутый в сдобную булку, вынимал из меня всю душу, и после пяти минут такой экзекуции я сам готов буду поверить, что, как последняя сволочь, обокрал милейшего парня Максима Червякова.

А дело, собственно, вот в чем. Мы познакомились с Червяком два года назад на вечеринке, посвященной открытию его очередного магазина. Сорокалетний толстяк торговал компьютерами и оргтехникой. Сейчас его магазинов полно по всему городу, а тогда это было большое событие. Я был активным копирайтером, готовил различным заказчикам рекламные статьи и проспекты, немного подрабатывал на предвыборном пиаре. Червяк поручил мне заняться рекламной кампанией его компьютерной сети. Кажется, мы неплохо сработались. Во всяком случае, через полгодика после заключения договора я свободно мог заказывать у него любые бюджеты, и он никогда не говорил «нет».

Но как известно, люди, п#том и кровью добывшие себе парчовые занавески и шелковые наволочки, очень быстро забывают запах портянок. Чем выше поднимался Макс, тем более серьезные проблемы возникали у него с самооценкой. Он стал капризничать, ставить трудновыполнимые задачи и задерживать оплату. На мои пошлые просьбы дать денег за очередную кампанию Червяк надувал щеки, говорил, что его многое не устраивает, долго чесал подбородок, а под конец пускал в ход безотказную формулу Бориса Абрамыча: «Старик, деньги были, деньги будут, но вот именно сейчас денег нет».

В конце концов мне это надоело, и однажды я пошел напролом. Дождался, когда мой вредный и жадный босс отправится в командировку, тут же пошел в бухгалтерию, подарил ящик «Мадам Клико» тамошним давно не траханным теткам (одной из них, так и быть, пообещав романтический ужин в гостинице) и забрал всю причитающуюся мне наличку. Не больше, но и не меньше. Сто тысяч рублей за целую серию статей, баннеров и прочих концептов – не баран чихнул, но сейчас нет времени описывать в подробностях, как я подбивал клинья к главному бухгалтеру. Кроме того, на руках у меня была пачка расписок Червякова, а в глазах – непоколебимая вера в человечество.

Честно сказать, не знаю, что случилось впоследствии с моими поклонницами из бухгалтерии, положившими карьеру на алтарь моей свободы, но когда Макс вернулся, земля содрогнулась, и разверзлись хляби небесные, и полилось дерьмо по местным мобильным сетям...

Мне на время пришлось смотаться из города, и всю прелесть общения с разъяренным Червяком приняла на себя моя жена Света. Когда все немного улеглось, я вернулся, позвонил Максиму сам, сказал, что просто взял свое и, кстати, все уже потратил на лечение безнадежно больной бабушки, живущей в Бугульме. Я думал, что это сработает.

Ха-ха. Три раза.

Макс пригласил нас с женой на фуршет в честь открытия нового магазина и сервисного центра. Там, выпив дважды по сто, он устроил мне форменный разнос, как какому-нибудь мальчику на побегушках. Да еще и при телекамерах! Светка расплакалась, я потом напился, Макса вообще выносили на руках. В общем, ситуация глупейшая.

И вот он сейчас сидит передо мной в кафе на набережной у «Мегаполиса» и делает последнее китайское предупреждение. Убил бы сволочь!

– Не молчи, Русь, дай ответ, – напомнил о своем присутствии Макс, дымя сигаретой.

– Русь на перепутье.

– А, понятно. Направо пойдешь – в говно попадешь, налево пойдешь – по рогам получишь. Некуда идти, старик.

– Прямо пойду.

Я задумчиво смотрел на закованную в бетон реку. Хорошо было в городе ранним утром, черт возьми, – даже в этом стеклянно-асфальтированном оазисе культурного отдыха, развлекательном комплексе «Мегаполис»! Скоро рядом с автопарковкой развернется торговля коврами и кроссовками, от шума и выхлопных газов станет невозможно дышать, но рано утром здесь еще очень неплохо, даже река блестит и слышен плеск ее волн.

– Ладно, старик, – наконец выдохнул Червяков, – боюсь, добром с тебя ничего не вытрясешь. Придется другими методами...

– Голова дырка будешь делать? – усмехнулся я.

– Нет, жопа вторая дырка сверлить.

Он поднялся из-за стола, с шумом отодвинув тщедушный пластиковый стул. Я остался сидеть.

– В общем, брат Витька, – сказал Макс, открывая брелоком замки своего джипа, – послезавтра вечером я присылаю к тебе ребят. Если денег не будет... блин, мне придется вспомнить свою нигилистскую молодость! Я тебе даже процент накапаю за эту ностальгию.

– Валяй, – все так же улыбаясь, молвил я.

Впрочем, это уже была последняя улыбка Джордано Бруно.

– Лишнего не возьмем, но и своего не оставим. Что там у тебя в собственности? Подержанный «шевроле-ланос»?

– Новый.

– Вон тот? Ай, какая прелесть!

Я молча сглотнул.

– Будь здоров, старик! Не суди слишком строго.

Он махнул рукой и отправился к машине. Глядя на его колыхающийся зад, я с горечью констатировал, что он меня все-таки дожал! Фигня в том, что Червяк был опытный рейдер, и в переговорах с «клиентами» он всегда преуменьшал масштабы угрозы. Уж мне ли не знать, что если он говорил, что готовит сверло для моей задницы, то на самом деле мне предстояло познакомиться с отбойным молотком.

Мне внезапно поплохело. И солнце было уже не таким ярким, и река не так ласково шелестела волнами... и торговцы коврами приехали слишком рано, мать их!

Это был самый поганый день в моей жизни, это был мой самый главный перекресток. Направо пойдешь, налево пойдешь... один хрен.

У тебя бывали такие поганные дни, Миша Поречников? Блин, какое же все-таки прикольное совпадение!

Михаил

Ни о каком совпадении имен Миша Поречников до определенного момента, разумеется, не думал, как не думали и его родители, когда заводили метрику. В те далекие полугодные времена в стране было всего два телеканала. Дециметровое ленинградское телевидение не в счет – антенны тогда трудно было найти в продаже, а если кому-то и удавалось их купить, то никто толком не мог настроиться на нужную волну, а если и мог, то оказывалось, что ничего оригинального, кроме людоедской физиономии Александра Невзорова, канал не показывал. Следовательно, никаких вам «агентов национальной безопасности» и «запретных зон».

Сам мальчишка свое имя даже немного недолго любил. Если к фамилии у него до недавнего времени претензий не было, то имя... Мишка, Мишутка, медвежонок – черт, он предпочел бы называться Павлом, Сашей или даже каким-нибудь новомодным Фролом, но, разумеется, его возможности повлиять на выбор родителей были крайне ограничены.

Чадолубивая мама называла его просто Мишкой, суровый, но справедливый отец предпочитал «взрослое» имя Михаил, а загадочная бабушка по материнской линии когда-то ласково пела «Миша-аня!», подзывая за получением вредной для зубов карамели. Но пожалуй, больше всего молодого человека раздражало полуофициальное-полууничижительное «Михаил Вячеславович Поречников», которым окликал его декан факультета психологии. Маму свою Миша, разумеется, прощал, отца старался понять, а вот профессора Саакяна готов был утопить в унитазе институтского мужского туалета – самого грязного места во вселенной. Спасало старого козла только то обстоятельство, что он не смотрел телевизор и не подозревал о существовании «агента национальной безопасности», а стало быть, и не пытался играть на сходстве имен.

Причину неприязни Миша долгое время не мог внятно сформулировать даже для себя самого. Что-то в этом профессоре, докторе наук и авторе множества монографий, опубликованных в европейских журналах, было не так. Михаил чувствовал это кожей – примерно так же, как чувствовал любовь или отчуждение, которое испытывала к нему женщина, лежащая под его одеялом в спальне. Завязывая знакомство с понравившейся ему особой, Миша почти всегда точно знал, ждет ли его успех или стоит, пожалуй, до поры до времени отвалить.

Внутренний мир профессора Саакяна был устроен гораздо сложнее мира женщин, ищущих сексуальных приключений, поэтому Миша очень долго не мог его раскусить. Сначала он полагал, что Саакян просто очень хороший доктор психологии, вполне заслуженно получивший все свои мудреные титулы. Попробуйте вот так, наскоком раскусить хорошего психолога – либо он разгадает вас первым, и вы будете носить ему деньги за сеансы до тех пор, пока не закончите свои дни в психиатрической лечебнице, либо он просто отправит вас восвояси, заявив о «неоперабельности» вашего случая.

Но с течением времени Михаил понял, что Саакян...

– ...словом, вы животное, Александр Георгиевич, – просто сказал он одним жарким летним днем при встрече с ним в фойе университета возле кофейного автомата.

Миша как раз нажимал кнопку, выбирая двойной эспрессо, когда профессор подошел его поприветствовать.

– Да что вы! – якобы удивился тот. – Это так вас научили уважать возраст, молодой человек?

Михаил кивнул, протягивая руку к стаканчику.

– Уважать ваш возраст я намерен до поры до времени, Александр Георгиевич. По крайней мере до тех пор, пока он является оправданием вашей экстравагантности. Но боюсь,

вы уже перешагнули эту границу, и бить вас начнут уже не по паспорту, а по физиономии. Причем *бить*— это в лучшем случае. В худшем... — Миша не договорил.

Профессор сначала улыбнулся — невысокий, полноватый, седой и мудрый Папа Карло, собиравшийся пожурить глупого Буратино, — но секунду спустя он взял Михаила за локоть и, бегло оглядевшись вокруг, прошептал:

— Что ж, поупражнялись в высоком слоге и будет. Послушай меня, мальчик, — он сильнее сжал руку, — я не должен больше встречать тебя на своем пути, если хочешь и дальше успешно строить карьеру. Ты меня понимаешь? Ты просто не представляешь, во что ты можешь вляпаться. Даже не пытайся проверить!

Наверно, он рассчитывал напугать Михаила, поэтому вложил в этот текст все природное обаяние, присущее деканам психологических факультетов. Но Саакян ошибался, полагая, что наследник прабабушки-ведьмы начнет трусливо вилять хвостиком.

Михаил молча поставил стакан с горячим напитком обратно на стойку автомата и медленно, но твердо освободил свой локоть от цепкой профессорской хватки.

Два взгляда — как два обоюдоострых ножа — высекли искру.

— Значит, так, старый негодяй, — спокойно сказал Михаил, — попрошу тебя намотать на ус: испортить карьеру ты мне не сможешь, потому что зубами за свое место в этом институте я не держусь. Если доведется — я и в армию могу, не заржавеет. Тебе, всю жизнь ходившему по головам, это трудно понять, но это так, поверь мне. Во-вторых, ты забыл, как выросло наше поколение, и ты ошибаешься, думая, что от твоих титулов и званий у меня случится эрекция. В-третьих...

Михаил огляделся вокруг. Надо было заканчивать, вокруг полно любопытных абитуриентов.

— В-третьих, Александр Георгиевич, повторяюсь, что вы Сволочь с Большой Буквы, а с такими переговоры у меня никогда не клеились. Честь имею.

Он забрал свой стакан и, прихлебывая кофе, стал подниматься по лестнице. Он даже не оглянулся, хотя, пожалуй, в этот раз стоило.

Профессор Саакян, сжимая кулаки и глядя в одну точку, что-то усиленно нашептывал себе под нос...

Виктор

Кхм, Миш, прости, я отвлекся. Как говорят наши братья с той стороны, сорри, мэн...

Короче, когда с тобой случается такая хрень, ты вдруг понимаешь, что бесконечно одинок в этом безумном, безумном, безумном, безумном мире... Как говорил один старый персонаж Панкратова-Черного – это не я, это кино такое.

В свои тридцать четыре года ты вдруг с ужасом осознаешь, что скоро твое собственное отражение в зеркале в ванной – такое небритое, одутловатое и бесконечно дорогое отражение – станет едва ли не единственным твоим собеседником. Это у него ты будешь спрашивать «Как дела, старик?», продрав глаза поутру, это ему ты будешь плакаться после очередной полученной от жизни оплеухи... и именно у него ты будешь просить займы четыре штуки «бакинских комиссаров», чтобы защитить свою новенькую иномарку от плохих дяденек.

Можно, конечно, вспомнить о жене, но жена... А что жена? С женой, брат, все время происходят непонятные метаморфозы, на расшифровку которых целая жизнь может уйти.

Ну ладно, а как же друзья? Ведь не в коконе ты жил все эти годы, начиная со школьной скамьи?

Ну да, друзья есть, и приятели есть, и просто знакомых – не сосчитать. Но вот в чем петрушка: у друзей с возрастом складываются точно такие же взаимоотношения с зеркалом в ванной. Ты будешь пить с корешами виски или водку, будешь сидеть с ними в душевой сауне, хвастаясь очередным сексуальным подвигом Геракла, будешь вместе с ними драть глотку на стадионе, болея за «Газмяс», но когда ты приходишь домой и снимаешь фрак (стягиваешь футболку, отрываешь от задницы вспотевшие трусы и тому подобное), ты понимаешь, что никому в этом мире на фиг не нужен и решать свои проблемы придется самому.

Впрочем, вру. Есть один друг, который обязательно выпьет на твоих поминках. Да, я о нем вспомнил...

Я набрал номер телефона Сергея Косилова. Ожидая, пока он возьмет трубку, я продолжал смотреть на реку. Все течет, все меняется, а наша старая речушка все так же грязна, как и во времена детства моей бабушки, пускавшей по ней кораблики.

– Гы-говори, – выдавил Серега после небольшой паузы.

Судя по голосу, он только что проснулся или вообще не спал.

– Привет, брат, – сказал я, – ты сейчас никуда не торопишься?

– Сейчас? Н-нет, до пятницы я совершенно с-во-свободен.

– А что будет в пятницу?

– Ничего. Классику смотреть надо. Это Пятачок, когда был в гостях у-у Кролика...

– А-а, понял!

– Вот тебе и «а-а». Слушай, если ты едешь прямо сейчас, захвати мне пы-пару пива. Я, кстати, сам хотел тебе позвонить. Дело есть.

Я ухмыльнулся. Похоже, Сережка вчера неслабо погулял. Чтобы он с утра попросил пива?!

– Привезу. Что за дело?

– Приедешь – скажу.

Я отключил связь и улыбнулся. Серега, конечно, был чудиком, но лучшего антидепрессанта я на своем жизненном пути еще не встречал. И сейчас мне больше всего не хватало именно его умильного подросткового заикания.

С Сергеем Косиловым я был знаком лет двадцать, практически со школьной скамьи. Мы немножко учились вместе в выпускном классе – его перевели к нам уже под самый последний звонок. Никакой особой репутации он у нас заслужить не успел, следовательно,

не успел ее и испортить, поэтому мы достаточно легко с ним сошлись. У нас, видишь ли, были общие интересы – «Лед Зеппелин», «Аквариум» и перестройка. Не сговариваясь, пошли в один институт, поступили на один факультет – это была журналистика. Нам тогда казалось, что мы должны что-то успеть сделать, пока «форточка» еще открыта и ветер свободы гулял по квартире. До третьего курса шли одной дорогой. На третьем он выбрал специализацию «телевидение», я же решил, что мне гораздо интереснее и, главное, проще общаться с бумагой. Наши профессиональные стремления, таким образом, несколько разошлись, но интересы личные по-прежнему пересекались: мы продолжали вдвоем зажигать на вечеринках, встречаться с девушками, слушать и играть старый рок-н-ролл и беседовать о проблемах взаимодействия различных ветвей власти. Стояла середина девяностых – благословенное время, эпоха относительно честной и свободной журналистики и сотни относительно честных способов заработка.

Косилов еще во время учебы попал в поле зрения нескольких местных телекомпаний. Я в то время пытался его отговорить от этой безумной затеи. Дело в том, что парень с детства заикался и, судя по всему, прекращать это дело не планировал. И хотя его заикание не носило критического характера – так, лишь иногда переклинивало, – но из-за постоянного страха завалить речь Серега говорил медленно и вдумчиво, совсем как наш институтский преподаватель по иностранной литературе по фамилии Бент. Прикинь, мужик – умница-не-сказать-в-какой-степени, получил кучу каких-то европейских титулов за изучение литературного наследия, а на лекциях его мухи дохли от тоски, потому что читать он их не умел. Оратор из него был «как из Промокашки скрипач»! Бубнил что-то под нос полтора часа, хотя при желании мог бы... да много чего мог бы.

Так вот, Сережку нашего из-за его проблем с интерфейсом на телевидении ждал полный провал. Но, блин, он нашел лазейку, переключился с работы в кадре на место по другую сторону объектива. Ему понравилось снимать. Он не выпускал камеру из рук всю практику, снимал сюжеты по заказам и без них, по собственной инициативе пристраивался к различным командировкам своих старших коллег – и снимал, снимал, снимал. Снятое он монтировал так же самостоятельно, договорившись о небольшой стажировке в монтажной студии областного телевидения.

Словом, к окончанию университета Сергей Косилов был молодым асом, а еще через несколько лет он уже мог позволить себе выбирать работодателей и заказчиков. Криминальные разборки, спецоперации силовиков, облавы, экстремальные командировки в горячие точки, репортажи с заседаний городской думы – у Сергея не было никаких жанровых ограничений. С камерой он обращался, как Паша Буре с клюшкой до знакомства с русским шоу-бизнесом, она была его второй парой глаз, и у меня в один прекрасный день отпали последние сомнения в том, что когда-нибудь Серега уедет, к чертовой матери, из этого города и доработается до «ТЭФИ».

Увы, все так бы и случилось, кабы не его добрый характер, спровоцировавший полный провал в личной жизни, который, в свою очередь, накрыл медным тазом все остальное.

Сергей был женат дважды, и оба раза он непостижимым для меня образом выбирал в жены законченную суку. Не стерву, заметьте, а именно суку, и это две большие разницы – слово «стерва» благодаря женским таблоидам многие уже воспринимают как комплимент. К слову, у меня были схожие семейные проблемы, но если я еще как-то держался, уповая на торжество здравого смысла, то Серега доводил дело до точки кипения и взрыва. Можно до бесконечности иронизировать: дескать, у кого из разведенных людей бывший супруг(а) не является гадиной или козлом – но иногда они таки козлы и есть. Первая жена Сереги была до рези в глазах похожа на свою мамашу, а мамаша у нее последние годы балансировала на грани попадания в психушку с диагнозом «хронический маниакальный психоз». Пару лет

Косилов помыкался с первой женой, а потом выгнал ее из дома. Результатом этого неудачного семейного опыта стал длительный черный депрессняк.

Вторая жена ушла от него сама, потому что выйти из депрессии Серега так и не сумел. Он пробовал немножко выпивать. Начал с пятничных пивных вечеров («после трудовой недели – грех не выпить!»), потом попытался плавно перевести их в аналогичные вечера четвергов и суббот, но, к счастью для Сережки, организм его категорически возражал против такого досуга. Два дня подряд он еще мог покуражиться, но на третий его тело отказывалось подниматься с кровати, желудок восставал против любой жидкости и пищи, а голова молила о быстрой пуле. В общем, с тотальным пьянством у Косилова не заладилось, поэтому единственным выходом для него было вкалывать до полного самоотречения. Он продолжал работать, реально подтверждая старую истину о том, что талант невозможно уничтожить. Руки у него по-прежнему росли из правильного места, голова не разучилась монтировать телевизионную картинку задолго до попадания материала на монтажный стол. И новая жена вскоре стала ему просто не нужна.

При встрече мы всегда обнимались и целовались, если никто не видел. Этот сомнительный мужской ритуал мы подглядели у десантников и пограничников, регулярно пугающих добропорядочных горожан пьяными купаниями в фонтанах. Нельзя сказать, что мы с Серегой чувствовали себя более мужественными от поцелуев и объятий, но и отвыкнуть уже не могли. Эта привычка хоть немного примиряла нас с мыслью о не отданном Родине воинском долге.

Обняв Серегу в то утро, я сморщился от убойного амбре и сразу передумал целоваться. Косилов скорее всего «зажигал» вчера весь день и либо не ложился спать совсем, либо свалился только под утро.

– Н-да, Серж, – протянул я, – ты меня удивляешь. У тебя лицо сейчас похоже на мою задницу после отцовского ремня.

Сергей махнул рукой:

– Бы-брось свои понты. Пиво принес?

Я молча протянул пакет. Серега даже не стал для приличия поддерживать светскую беседу – угостился немедленно и без остатка. Одна бутылка ухнула в него полностью буквально через пару минут, вторую он решил немного посозерцать.

– Пы-рахад.

Я с удовольствием прошел в глубь его двухкомнатной квартиры. Я бывал у Сергея редко, о чем сожалел каждый раз, когда находил время для визита. Если моя бурная нигилистическая молодость замерла на фотографиях и в видеокассетах, то у Сергея она продолжала существовать вокруг него. Она жила в гитаре, висящей на гвозде, в куче виниловых пластинок на полу в плохо устроенной спальне, пряталась в колонках от старого музыкального центра «Вега» и прочей белиберде, избавиться от которой моя жена заставила меня практически сразу после свадьбы. А Серега бережно хранил и лелеял все эти запахи, звуки и образы – дешевый портвейн, треск винила, вопли Егора Летова и ощущение свободы. Немудрено, что в итоге Сергей остался здесь один, в этом, казалось бы, современном, украшенном обоями и линолеумом, но таком неприкаянном жилище.

– Что пы-пыривело тебя ко мне в такую рань? – высокопарно и грустно спросил Серега, неторопливо откупоривая вторую бутылку и усаживаясь на диван в гостиной, которая по совместительству была и видеостудией, и домашним кинотеатром, и столовой.

– Ты будешь смеяться, но я пришел просить у тебя совета.

– Просить совета, где найти деньги, или пришел пы-просить денег?

– Старый лис...

– Дык, – не без удовлетворения заметил приятель и отпил из бутылки. – Я ж видел твою рукопашную с Червяковым, когда забегал на банкет в его новый магазин. Помнишь, он тогда тебя чуть не порвал? Можешь ничего не объяснять, я знаю, что он редкая жо-жо... жж...

– Я понял, не продолжай.

Мы немного помолчали, будто почтили недобрым словом память жопы Макса Червякова, потом Серега аккуратно поинтересовался:

– На скока попал?

– Даже не спрашивай. Если не найду деньги за два дня, мне придется отдать в залог машину. Дал бы побольше времени, я еще крутанул бы, но за два дня... нереально.

– Н-да, – только и сказал Косилов.

Мы снова умолкли. Серега не пытался изображать глубокое сочувствие, за что я был ему безмерно благодарен, ибо физически не перенес бы сейчас его жалости, но, с другой стороны, он и не демонстрировал своего психологического превосходства над человеком, попавшим в передрагу. Все было как всегда: «Что, фигово, брат? Не дрейфь, прорвешься». Меня смущало лишь одно: он вряд ли мог мне помочь.

Он словно услышал мои мысли:

– Ты прости, конечно, но таких сумм, за которые Червяков может забрать машину, у меня давно не водилось. Если ты рассчитывал за-занять у меня денег...

– Да нет, я уже понял, что зря пришел.

– Нет, не зря, – начал было Серега, но не успел договорить.

Зазвонил мой сотовый телефон.

– Извини, – сказал я и посмотрел на дисплей.

Звонила жена. О, сейчас будет праздник...

– Алло! – сразу закричала она, как только я поднес трубку к уху. – Вавилов, где ты ночевал?! Ты вообще сейчас где?!

– В том месте, которое рифмуется с твоим вопросом, – вяло огрызнулся я.

– Да сволочь же ты такая! – вопила трубка. – Да какая же ты тварь, Витя! Я же все трезвяки начала обзванивать, чуть до моргов не добралась, Господи, ну почему мне так не повезло?!

Я молча слушал, поглядывая на электрогитару, прислоненную к стене возле фронтальных колонок кинотеатра. Это было роскошное по меркам восьмидесятых годов (да и до сих пор, пожалуй) «весло» – настоящий «Fender Stratocaster», привезенный с распродажи в Штатах, гордость Сергея Косилова образца рок-н-рольной юности и робкий упрек его унылому возмужанию. Через минуту я уже не слышал, что говорит мне жена, моя душа витала где-то между туалетом Дворца культуры железнодорожников, где мы в девяносто пятом курили травку и пили паленый «Слынчев Бряг», и сценой в зрительном зале того же дворца, на которой мы, скушав коньяку, лабали древний как мир «Дым над водой». Краем глаза я заметил, как Косилов начинает улыбаться, и мне его улыбка почему-то не понравилась. Какая-то она была мертвая. Я захлопнул крышку телефона.

– Опять не ночевал? – поинтересовался мой наблюдательный товарищ.

– Да. Был в «Мегаполисе» на нон-стопе.

– Совсем не тянет домой?

– Нет, *домой* как раз тянет. Не всегда хочется видеть дома *ее*.

Я вздохнул. Серега Косилов, наверно, лучше других понимал мое состояние, но откровенничать с ним меня сейчас не тянуло. Я решил ограничиться тезисами:

– Знаешь, иногда хочется думать, что тебя понимают. Можно меня ненавидеть, можно не целовать и даже не трахать, но если... блин, мы с тобой вместе смотрели «Доживем до понедельника», так что не буду ничего объяснять.

Я умолк. У Косилова хватило мозгов оставить мой текст без комментариев.

Пару минут мы сидели молча. Серега наслаждался ремиссией, а я смотрел в потолок и думал, как быть с Червяковым. Совершенно однозначно – нужно было искать деньги. Да, горько и неприятно, но иногда приходится признавать, что ты проиграл, а проигрывать надо достойно.

...Слушай, Миха, вот ты проигрывал когда-нибудь по-крупному?.. А, вижу по лицу, проигрывал и, наверно, очень даже неплохо. Как ощущения? Колбасит?.. Ну вот и я о том же...

Сидя тогда ранним июньским утром у пьяного друга Сереги Косилова на диване, я вдруг представил себя таким разорившимся аристократом! Прикинь, да: красивый и молодой еще мужчинка в костюме, на хорошей машинке, с красивым мобильным телефоном, обремененный делами, заботами, задачами – и достойно так, солидно, грустно голову приклонив, ПРОИГРЫВАЕТ. Смахиваю скупую мужскую слезу, делаю изящный поворот головы, смотрю прямо в камеру – стоп, снято! Можно оправиться и перекурить...

Фигня это все, короче. Нет никакого геройства и самоуважения, Миша, есть сто штук долга и кредитор, который может свинтить тебе шею, наплевав на то, что «проклятые девяностые», как утверждала партия и правительство, канули в Лету. И почему-то сразу начинает тошнить, хочется повесить на двери табличку «Меня нет дома!» и посидеть с газетой на толчке. Какое на фиг геройство!

– ...Кстати, ты что-то хотел мне сказать? – оторвался я от своих невеселых мыслей.

Серега тоже как будто только что заметил мое присутствие, посмотрел на меня как обкуранный. Однозначно, мы сегодня оба были немного не в себе.

– Д-да есть кое-что.

Пауза. Он сощуренным взглядом уставился на выключенный телевизор.

– Серега, я тут!

– Сы-слушай, Вить, – произнес он, торжественно пристраивая недопитую бутылку пива у ног, – ты когда-нибудь сталкивался с необъяснимым?

Я не ответил, внимательно посмотрел ему в глаза. Вроде здоров. Или нет?

– В смысле?

– Ну, в смысле, что-то такое, чего ты никак не можешь объяснить?

– Серега, смысл слова «необъяснимое» я знаю. Говори, что у тебя стряслось, не томи.

– Ладно.

Он встал с дивана, отправился в другую комнату, с минуту там возился, шелестя бумагой, потом снова появился передо мной. В руках он держал свою видеокамеру. Нацеленный на меня объектив был закрыт крышкой.

– Ну? – спросил я.

– Вот эта фиг-фигня, брат, почище твоего Червякова.

Серега как-то мерзко улыбнулся. На лице его отображалось нечто среднее между возбуждением алхимика, случайно отыскавшего философский камень, и ужасом водителя, застрявшего на железнодорожном переезде прямо перед несущимся товарняком. Короче, Серега неожиданно для меня ПРИТОРЧАЛ.

– Что с ней? – спросил я, кивая на камеру.

Он молча сел рядом со мной, положил «Панасоник» на колени. При этом он вел себя очень странно. Как я уже упоминал, с видеокамерой Косилов управлялся так лихо, как не всякий бомбардир НХЛ работает клюшкой, но сегодня с ним что-то случилось. Он держал камеру одними кончиками пальцев, как чужой использованный презерватив.

– Осторожно, разобьешь, – предположил я.

– Хрен там, – ответил Серега, и в глазах его появился блеск, – разобьешь ее, как же...

– Что у тебя с ней?

– Так, кое-что. Прикинь, я больше не могу снимать этой камерой.

– В смысле? Пленку жует?

Он посмотрел на меня с укоризной.

– Нет, не в этом дело. Понимаешь... как бы тебе объяснить...

Я еще внимательнее пригляделся к нему и заметил, что он вспотел.

– Косилов, ты в порядке?

Он кивнул.

– А что тогда?

– В нее всссс... – Он сделал паузу, перевел дыхание. – Всссе... черт!

– Сержик, успокойся, – сказал я и почему-то погладил его по руке. *Так* его давненько не переклинивало.

Наконец он справился. Выпалил мне прямо в лицо:

– Витя, в нее вссссселился бес!

...Знаешь, Миша, я человек с воображением, как и подобает нормальному журналисту. Я привык верить всему, что вижу собственными глазами или о чем мне рассказывают люди, которым я всецело доверяю. Я допускаю, что на Землю иногда навешиваются пришельцы, и я не могу поверить, что мы во Вселенной одиноки. Я знаю, что головную боль можно лечить заговорами, я уверен, что какая-нибудь бабушка может навести порчу, и я ни секунды не сомневаюсь, что автомобиль, на котором ты едешь, не просто умная куча железок – он реагирует на твоё настроение и самочувствие. Короче, я потенциальный зритель мистических телешоу!

Но, блин, мой заика Сережка Косилов этим утром был вне конкуренции! Честное слово...

Мы вышли на улицу. Во-первых, у парня закончились сигареты (скорее всего ему хотелось еще выпить), а во-вторых, по его словам, только там он мог мне объяснить и показать, что у него произошло.

Мы сели на лавочку возле супермаркета. Перед нами шумел проспект Ленина, уже почти готовый замереть в вонючей утренней пробке. Справа в пяти метрах от нас располагалась небольшая парковка для посетителей магазина.

Сергей положил расчехленную камеру на колени и молча ждал. В этот момент он напомнил мне охотника, выжидающего наилучший момент для выстрела. То, что Серега собирается именно стрелять, я уже догадался, хотя до сего момента мой приятель не сказал, по сути, ничего.

Кажется, мы дождались.

На парковку с проспекта вырулил сверкающий желтый «хаммер». Я присвистнул и хотел было пошутить над идиотом, который выбрал такой цвет (и над тем, кто так покрасил эту брутальную тачку), но Сергей впился в него взглядом, как ястреб. Вскоре из машины вышел хозяин – полненький мужичок, похожий на главного бухгалтера «Газпрома». Я на самом деле не знаю, как выглядят газпромовские бухгалтеры, и уж тем более понятия не имею, какая у них зарплата, но на бандита или олигарха, способного купить танк, этот мужик не смахивал. Закинув под мышку маленькую кожаную сумку, он запер машину и направился в супермаркет. Как только он совсем исчез из виду, Сергей направил видеокамеру на «хаммер», снял крышку с объектива, нажал кнопку и стал снимать.

Я потянулся за сигаретой. На какое-то время меня почти отпустили мои сегодняшние горести – настолько я был увлечен этим похмельным безумием. В голову даже пришла глупая мыслишка: сейчас из объектива аппарата вырвется сноп огня – и «хаммер» разнесет на мелкие запчасти. Кажется, я хихикнул.

Сергея снимал около минуты. Затем выключил камеру, осторожно прикрыл объектив и поставил аппарат рядом на скамейку. Прокомментировать свой перформанс он не удосужился.

– И где бесы? – спросил я.

– Смотри.

Мы молчали и ждали. Несколько минут ничего не происходило. То есть абсолютно ничего. Только улица продолжала шуметь, кто-то раздраженно сигналил нерасторопному участнику движения, а рядом на тротуаре мамаша отчитывала малыша, упавшего лицом в цветочную клумбу. Лето, черт возьми, благодатное время. Миша, тебе нравится лето?.. Да, извини.

Когда я уже устал ждать и начал думать о напрасной трате времени, из магазина появился хозяин тачки. Он открыл брелоком замки и сел в салон. Некоторое время он там ковырялся, что-то выкладывая из пакета на заднее сиденье, потом, очевидно, сунул ключ в замок зажигания.

Машина не завелась.

– Ннн-на, н-на... – пытался выдавить Сергей.

– Начинается, – закончил я вместо него, – не волнуйся.

Водитель попробовал еще раз. Он погонял стартер несколько секунд, но результат был тот же. Внешне вполне нормальный джип, который десять минут назад бодренько подкатил к бордюру, как будто умер.

– И что происходит? – поинтересовался я.

– Ничего. Моя камера его убила.

Я фыркнул.

Водитель предпринял еще одну попытку запустить желтого монстра, но на этот раз под капотом что-то мерзко взвизгнуло, и сразу стало понятно, что в ближайшее время машина никуда не поедет.

«Газпромовский бухгалтер» тут же выскочил на тротуар и принялся терзать мобильник.

– Сейчас он будет прыгать вокруг, кудахтать как кура и крыть матом проклятых америкосов, – с каким-то мрачным удовольствием заметил Сергей. – Аб-бажаю этих идиотов. Носятся со своими машинками, как мальчишки с пипи... пипи...

– Я понял.

Михаил

С Мишей Поречниковым, как и с упомянутыми Виктором женами, тоже творились метаморфозы, на расшифровку которых уходило немало времени.

Началось все это еще в ту пору, когда Михаил изучал отечественную историю и методику ее преподавания в том же самом педагогическом университете, в котором работал сейчас. Он был, пожалуй, одним из самых способных студентов на факультете за все время его существования. Поступив в университет с замечательным школьным аттестатом, в котором самой малости не хватило до золотой медали, Михаил с первых дней обучения запал в головы и души преподавателей как «чертовски талантливый и таинственный молодой человек». Разумеется, имя и фамилия сыграли отнюдь не эпизодическую роль в его репутации – среди преподавателей было полно молодых и незамужних женщин, *регулярно смотревших телевизор*. В кои-то веки Миша был благодарен своему далекому и недостижаемому Даже-Не-Однофамильцу.

Вступительные экзамены он сдавал довольно своеобразно. Никто не видел его взволнованным и потерянным, суматошно перелистывающим ворованные конспекты у стены в коридоре за минуту до того, как войти в аудиторию. Никому, даже его товарищам по вступительным испытаниям, не удавалось заметить, пользовался ли он шпаргалками или какими-нибудь техническими приспособлениями. Ничего подобного просто не было, но!..

Михаил спокойно входил в аудиторию, без единого движения мускулов на лице выбирал билет, так же равнодушно зачитывал номер и пробежал глазами текст вопросов. Затем он садился на первую парту, для приличия брал в руки ручку, что-то черкал на тетрадном листе, но сосредоточенный взгляд прищуренных глаз был устремлен куда-то вниз, в пол. Одновременно средним пальцем левой руки Михаил потирал висок. Преподаватели позже в один голос твердили, что испытывали в этот момент какое-то странное чувство, будто уже досрочно верили в способности этого парня и в то, что он ответит на «отлично».

– Картина маслом! – рассказывала Зинаида Храмова, замдекана дневного отделения, присутствовавшая на вступительном экзамене по истории. – Это было что-то вроде «Оставь меня, старушка, я в печали!». Посидел, почесал голову, потом встал – и убил наповал своей трактовкой Февральской революции!

– Что, неверная трактовка? – интересовались коллеги.

– Отнюдь! Трактовка просто роскошная. Я думаю, если бы Поречников взял на себя труд предварительно записать свой ответ на листке, это были бы готовые тезисы для кандидатской! Но у меня сложилось впечатление, что после того, как я поставила ему пятерку, он тут же обо всем забыл.

Слухи о красавце и умнице абитуриенте Михаиле Поречникове пронесли по рядам преподавателей именно после этой эмоциональной презентации Зинаиды. Следующие несколько экзаменов у парня прошли как по маслу. К нему уже приглядывались, принимали и, кажется, даже приценивались, и когда он раскрывал рот, чтобы ответить на вопрос очередного экзаменационного билета, равнодушных в аудитории не оставалось.

Это было семь лет назад, в далеком переломном двухтысячном. В последующие годы Михаил Поречников в соответствии со всеми признанными законами природы со страшной скоростью завоевывал все новые и новые территории. И если персонажам актера Поречникова для подобной экспансии требовались пистолеты, автоматы и недюжинная харизма, то у Мишки-студента все получалось элегантно и как будто между делом. Более того, он ничем не выдавал своего желания осваивать захваченные территории, все происходило само собой.

Ну во-первых, конечно, девушки! С первого курса они проявляли к нему недвусмысленный плотский интерес, поскольку парень он был довольно симпатичный – высокий,

крепкий, с глубоким взглядом и завораживающим голосом. Попадая на этот крючок, девицы впоследствии обнаруживали и возможности его интеллекта, а также то, что ничто человеческое ему при таком интеллекте не чуждо – он, как и все, любил иногда попить пивка возле фонтана на площади Революции, изредка ругался матом, ходил в «Мегаполис» на боевики с Брюсом Уиллисом и заглядывал на порносайты. Обработав всю полученную о нем информацию, девицы приходили к выводу, что Миша Поречников – не иначе как очередное воплощение Мужчины-мечты, которое периодически прилетает на нашу планету откуда-то из подмышек Вселенной и бродит в поисках своей единственной возлюбленной.

Во-вторых, разумеется, преподаватели. Михаил вел с ними продолжительные научные беседы, делился своими соображениями относительно «обустройства России» и иногда, пользуясь их расположением, позволял себе расслабиться – например, не явиться на лекцию или не сделать вовремя реферат или курсовую. Впрочем, он мог бы вообще ничего не писать, поскольку преподавателям вполне хватало его устных выступлений. На семинарах, зачетах и экзаменах, усевшись на первую парту, он сосредоточенно вглядывался в пол, потирал висок средним пальцем левой руки – и через несколько минут он был уже не студентом Мишкой Поречниковым, он был оратором, который мог повести за собой толпу... и вот уже зачетная книжка в синей корочке, которую он протягивал в раскрытом виде, выглядела как нелепый анахронизм.

Завистники появились сразу, и в достаточно большом количестве. «Нормальные-тыкие-пыцаны-кыроче», попавшие в университет по недоразумению или по благу, Михаила сторонились, считая его слишком странным, непредсказуемым и, возможно, даже опасным. Его потенциальные конкуренты по борьбе за расположение преподавательского состава – все эти зубрилы, ботаники и вечные карьеристы – мечтали о том, что в один прекрасный день Поречников облажается. Ну так ведь бывает: перепил, забыл, не пришел, проспал, понадеялся, возомнил о себе слишком много или просто понес откровенную ахинею... Но поскольку ничего подобного не происходило – Михаил, конечно, лажал, но на нем это практически никак не отражалось, – потенциальные конкуренты вскоре тоже махнули на него рукой.

Первый и единственный странный человек, которого Миша поначалу не мог идентифицировать, встретился ему на втором курсе. Профессор Александр Георгиевич Саакян, получивший в свое безраздельное владение целый факультет, статный пятидесятилетний мужчина, убеленный сединами и увешанный регалиями, сразу остановил свой внимательный и острый взгляд на способном студенте, и первая же их встреча врезалась Михаилу в память надолго, если не навсегда.

После одной из лекций, когда расслабленные студенты повалили из аудитории, Саакян остановил его возле своего стола.

– Поречников, задержитесь.

Миша не удивился. Всю лекцию он внимательно наблюдал за профессором, потому что почувствовал в нем что-то до боли знакомое. Так можно почувствовать своего земляка, слоняясь где-нибудь по Елисейским полям в Париже или рассматривая пирамиды в Гизе. Человек еще рта не раскрыл, а ты уже видишь, что перед тобой не просто русский, а еще и покупающий помидоры на том же рынке, что и ты. Кроме того, Саакян внешне напоминал Эдварда Радзинского, которым Михаил зачитывался со школьных лет и телепрограммы которого никогда не пропускал.

Было и еще кое-что, не очень ему приятное. Слухи о том, что такое этот «профессор психологии Саакян», ходили разные. Поговаривали, что к своим докторским званиям он шел чуть ли не по трупам, что в молодости не гнушался стукачеством, а когда достиг определенного уровня, при котором ему уже не нужно было бегать в кабинет начальника на полусогнутых, он сам стал увлекаться различными «разводками и крышеванием». Правда, его

студенты стабильно зарабатывали высокие баллы и делали впоследствии большие успехи в карьере, но это обстоятельство не отменяло его людоедской сущности, если таковая имела место быть. Те, кто по недосмотру попадал к Саакяну «на карандаш», а еще хуже – в его кабинет на серьезный разговор, в один голос твердили, что чувствовали себя кроликами, которых скоро будет кушать удав, а некоторые даже жаловались на головные боли.

Словом, наслушавшись всех этих баек, Михаил проявлял к профессору Саакяну уже почти профессиональный интерес. Разумеется, он не отказался приватно перекинуться с ним парой фраз. Услышав предложение педагога, он попросил приятелей подождать его в коридоре.

– Слушаю вас, Александр Георгиевич.

Саакян дождался, когда последний любопытный студент покинет аудиторию, затем с прохладной улыбкой произнес:

– И как давно это с вами происходит?

Михаил не ответил. Из соображений элементарной осторожности он предпочел изобразить недоумение:

– То есть?

– Вы прекрасно поняли, о чем я говорю.

Михаил, выпитив губу, уставился в потолок, потом перевел взгляд на репродукции портретов выдающихся ученых, похожие на фотороботы преступников в отделении милиции. Дескать, я честно пытаюсь вспомнить, что делал вчера с восьми до одиннадцати, но никак не получается.

– Михаил, перестаньте валять дурака, я вас прекрасно вижу, – сказал Саакян. – У вас очень сильная энергетика. Я не исключаю, что вы обладаете серьезными экстрасенсорными способностями, одними из самых серьезных, что встречались мне за последние годы. И меня несколько смущает ваша беспечность. Вы ведь совсем не работаете над собой и никак не развиваете ваши таланты. Очень жаль.

Михаил послушался совета «не валять дурака» и уставился на своего собеседника в упор.

– Почему же?

Саакян снова улыбнулся – на этот раз уже теплее, почти по-отечески, указав рукой на первую парту:

– Присядьте.

Миша взглянул на часы. Большой обеденный перерыв скорее всего накрывается медным тазом. Он уселся на край скамейки за передней партой, а профессор взял свой стул и поставил его напротив.

– Итак, – заговорил Саакян, когда убедился, что легкомысленный студент его слушает, – мне уже знакома история о вашем феноменальном поступлении в этот университет и об успехах, которые сопутствуют вашему обучению. И теперь мне доподлинно известно, чему вы обязаны такими успехами, поэтому даже не думайте запыряться. Так давно это у вас?

Михаил закинул ногу на ногу, обхватил руками колено. Он с уважением и довольно ровно относился почти ко всем преподавателям – даже к тем, кто его не устраивал исключительно из личных предпочтений, – но ему не нравились подобные допросы, кто бы их ни предпринимал. Чувство собственного достоинства присутствовало в его крови в таком же количестве, в каком у иных наших братьев наличествует сахар или спирт.

– Александр Георгиевич, уж простите меня великодушно, но мне не до конца ясна цель нашей беседы. Давайте от наводящих вопросов перейдем к делу. Чего вы хотите?

Саакян не переставал улыбаться. Ему все больше и больше нравился этот молодой человек.

– А вы ершисты, черт возьми! Напрасно. Михаил, друг мой, вы исходите из ошибочной предпосылки, что любой, кто распознает в вас экстраординарного человека, может быть вашим недругом. Это не так, смею вас уверить.

– Допустим.

– Мне от вас не нужно ничего в прикладном смысле, вы мне просто интересны. Ведь всем известно, что я занимаюсь этим вопросом довольно давно и активно, поэтому встретить на своем пути такого сильного человека, как вы, для меня большая удача.

Профессор умолк, очевидно, ожидая какого-то комментария, но Миша тоже молчал, продолжая смотреть на него в упор, как он обычно смотрел на экран телевизора в момент финиша олимпийской гонки биатлонистов.

– Не пытайтесь меня сканировать, – с улыбкой сказал Саакян. – Мы с вами некоторым образом коллеги, и я умею ставить защиту.

Михаил ухмыльнулся и немного ослабил хватку.

– Если мы с вами коллеги, то зачем вам вообще задавать мне вопросы и ждать ответов? Получите информацию самостоятельно.

– Это не так просто, как вам кажется. – Профессор поднялся со стула. – Что ж, Михаил, мне приятно было обнаружить вас в этом заведении и удостовериться в точности моих выводов. Надеюсь, мы с вами найдем общий язык.

Миша пожал плечами и тоже поднялся, поправил на плече свой рюкзак. Он хотел просто кивнуть на прощание и исчезнуть, но Саакян предпринял неожиданный ход.

Он протянул руку.

Пару мгновений Михаил просто смотрел на нее, как инопланетянин, которому не знакомы подобные ритуалы, потом осторожно протянул свою. Во время рукопожатия...

...Черт, рукопожатие Мишке не понравилось. Физически он ощутил дискомфорт – то ли от того, что рука была холодная и влажная, то ли еще от чего, – но вот на верхнем уровне своего сознания Миша увидел, как Саакян попытался залезть к нему внутрь.

«Пошел вон, сука!!!» – мысленно проорал экстрасенс Михаил Поречников.

Профессор отшатнулся.

– Всего доброго, Александр Георгиевич, – улыбнулся вежливый студент Миша и сразу покинул аудиторию.

«Никаких общих языков с ним! – наставлял он себя, шагая по коридору. – Никаких контактов! Держись от него подальше!»

Виктор

...Рассказ Сергея Косилова был недолгим, но вполне убедительным, несмотря на характерный для парня черепаший темп и манеру раскладывать сложные слова на части. Я не смог ни съязвить, ни уличить друга в приходе «белочки».

– Ты знаешь, я же вольный стрелок и в свободное от основной работы время обожаю халтурки, – мурлыкал он, посасывая третью бутылку пива. – Ну, там, свадьбы, юбилеи, банкеты и все такое. Камера личная, начальников никаких нет, и почему бы не совместить приятное с полезным? Тем более что на таких халтурках иногда получают изумительные планы. Ну так вот, однажды черт меня дернул согласиться снимать похороны одного бывшего брата. Кирилла Колыванова помнишь?

– Депутата?

– Его. В девяностых, говорят, два района крышевал, людей валил пачками, а теперь вот народный избранник. Не знаю, какой народ его избирал и зачем, но случилась с ним неприятность одна – поехал с ребятами на охоту, выпил и подставился под чью-то пулю. Интересное совпадение.

– Думаешь, его грохнули?

– Как два пальца аба... ба... в смысле – как пить дать.

– Угу.

Пока мы беседовали, водитель «хаммера» ходил вокруг своей машины, беспрестанно вызывая кого-то по телефону и, кажется, готов был заплакать.

– Короче, – продолжал Серега, – похороны я снимал, что называется, от выноса до заноса. Гроб был открытый, народ вокруг был солидный, все лезли с покойником поцеловаться, пожать руку, сунуть крестик. Материал получился – капец! Но когда я обратно с кладбища в автобусе ехал, у моей старушки вдруг разом села батарея. Полный аккумулятор был, а тут как будто прохудился, и через какую-то дырку все ушло, хотя рассчитан он часов на пять. Такого с ним никогда не случалось... Ну хрен с ним, на следующий день я сбросил отснятый материал на диск, отдал заказчикам и забыл об этом.

Я снова кивнул. Самое интересное, конечно, ожидалось впереди.

– Через неделю снимал свадьбу, – сказал Косилов. – Вроде все было нормально, но на второй день жених с невестой, их родители и половина гостей свалились с отравлением. Помнишь?

Я напряг память. Да, что-то такое было в новостях: «Некачественно приготовленная пища в кафе таком-то стала причиной массового отравления»... бла-бла-бла.

– Кажется, все обошлось, – напомнил я.

– Да, почти. На следующей свадьбе, которую я снимал, приключилась колоссальная драка. Итог – два трупа и десяток ранений. И не говори мне, что ты про это не читал.

Я вынужден был согласиться. Ненавижу криминальную хронику, но от таких новостей не спрячешься, они настигают тебя всюду.

– Словом, ты думаешь... – начал было я, но Серега меня прервал:

– Витя, я не думаю, я уу-уверен!.. Уверен с того самого вечера, когда снимал юбилей директора «Скорпиона». Этого бедолагу ты тоже должен знать.

Сергей хихикнул, а у меня по спине поползли мурашки. Директор автомобильной компании «Скорпион» поздно вечером после деловой встречи сел за руль своего «мерседеса» и на скорости 100 километров в час врезался в столб с рекламным щитом. Трезвый как стеклышко, здоровый, с хорошим зрением и реакцией сорокалетний мужик при идеальной обстановке на дороге врезается в преграду, как настоящий камикадзе! У остолопов из ГИБДД мозги плавилась.

– О чем задумался? – спросил Серега.

Я пожал плечами и предпочел уклониться от прямого ответа:

– Сколько же у тебя трупов в итоге?

– Девять. Отравившаяся на самой первой свадьбе невеста так и не пришла в себя. Прибавь к ней два трупа в драке на следующей свадьбе, потом мужик из «Скорпиона», а потом уже мелочь – с каждого отснятого мной материала либо жмуры, либо поломки, либо черт знает что вообще. Ты не представляешь, что со мной было, когда я понял, что происходит.

– Отчего же, представляю. Напился до зеленых соплей.

Сергей только грустно усмехнулся и выдал фразу, которая словно бы повисла в воздухе:

– Вчера решил протестировать для верности на своей кошке. Снимал минуты две...

Я напрягся и уголком сознания отметил, что стерилизованная рыжая Маруська, единственная Сережкина подруга, не выбежала сегодня в прихожую просить у меня колбасы.

– Е-мое, Серега! – выдохнул я.

– Угу. Вечером она вдруг выпрыгнула с подоконника на улицу и ломанулась на дорогу. Ее переехал «порш-кайенн». Роскошная смерть.

Я посмотрел на водителя «хаммера». Тот все еще сутился возле своей внезапно скончавшейся машины.

«Интересно, – отстраненно подумал я, – он тоже отбросит копыта, или все обойдется поломкой джипа?»

– Об этой машине ничего сказать не могу, – проследив за моим взглядом, отозвался Сергей. – Может, это весь результат. Может, нет. В этом смысле камера непредсказуема. В зависимости от режима записи эффект может наступить через несколько минут, а может завтра или через неделю. Я сейчас настроил на самое высокое качество, поэтому так сработало. А еще никогда точно не угадаешь, кого она зацепит – центральный объект съемки или кого-нибудь с периферии кадра. Не знаю. Бы-блин, ни хрена не знаю, Витя!..

Мы умолкли. Я сполз по скамейке на спину, посмотрел на часы, потом в голубое небо. Уже десять. Станный какой-то день начинается, пестрый, как радуга, и тяжелый, как свадебное меню. У нас с Серегой одновременно образовались две почти неразрешимые проблемы. Мы оба не знали, как нам быть с неожиданно свалившимся «счастьем».

Забавно, но мои журналистские мозги иногда работали отдельно от меня. В какие-то короткие секунды меня могла посетить совершенно гениальная идея, которая столь же стремительно могла покинуть меня, не оставив и следа. Но не этим странным утром!

В голове у меня пронеслось как вспышка: «Я не знаю, что мне делать с Червяковым, а Серега не знает, что ему делать с его прибабахнутой камерой. Вот приколы-то!»

И клянусь мамой, я тут же об этом забыл! Потому что снова позвонила жена.

– Слушай, гад, – сообщила она мне уже заметно спокойнее, чем в первый раз, – я устала. Завтра я подаю документы на развод, и... и пошел ты в жопу со своими кризисами! Понял!

И бросила трубку... кобыла.

Десять часов спустя мы с Сережкой Косиловым, пьяные и безумные, ехали на моем «ланосе» по пустеющему вечернему городу. Я успел немного поспать на косиловском диванчике в маленькой комнате, заваленной видеокассетами, дисками, блоками питания, какими-то старыми журналами и прочей ерундой. Едва приклонив голову на давно не стиранную наволочку, я сразу почувствовал, насколько был измотан. Проснулся я где-то около трех часов, когда солнце, перекатившееся на западную сторону неба, начало царапать мои сомкнутые веки.

Отдохнув, мы с Серегой поели, выпили водочки, поговорили, снова выпили, снова поговорили, снова поели... Короче, безумный день Фигаро продолжался, я давно не чув-

ствовал себя таким неприкаянным. Чтоб не соврать, последний раз мое тело так долго и счастливо существовало отдельно от души где-то все в той же середине девяностых, когда мы с институтскими друзьями, отыграв хороший концерт в ресторане, тут же бежали тратить заработанные деньги в ближайший кабак подешевле. Потом бродили по улицам, а с рассветом снова бежали в лавку за лекарством. Наверно, это было ужасно, но в моей теперешней жизни порой не хватало чего-то такого безбашенного, когда ты точно знаешь, что тебя никто не ждет и тебе не перед кем будет оправдываться. Многожды руганная и проклятая свобода девяностых, как мне тебя не хватает...

Я был все-таки в достаточно приличной форме, чтобы вести автомобиль. Обычно я вообще не сажусь за руль пьяным, но только не в этот день! Я вдруг понял, что мне по фиг. Я уже не любил окружающий мир, как раньше, и уже начинал его презирать. Что касается Сереги, то он, отбросив природную застенчивость заики, с самого начала потребовал чьей-нибудь крови. Он колбасился на пассажирском сиденье справа от меня, врубив на полную громкость «Рамштайн», и все время мешал мне рефлексировать.

«Будет тебе кровь, дурик!» – кажется, крикнул я однажды.

...Хм, кстати, насчет крови, Миш... Вот интересно, плохой человек и хороший – чем они отличаются друг от друга? Тем, что у одного злые помыслы, а другой – словно манная каша на молоке? Чувств собачья! Я не могу назвать себя плохим. Я никогда не крал, не убивал, не предавал... По крайней мере я думаю, что не предавал, хотя у некоторых моих близких может быть иное мнение на этот счет. Конкурентов не подсиживал, перед начальством не лебезил, но и не сторонился его, честно делал свою работу, двигался вперед и старался достичь своей цели теми средствами, которые считал для себя приемлемыми. Один раз даже переводил бабушку через дорогу.

Но черт меня возьми, как же иногда хочется взять кого-нибудь за горло и несколько раз ударить башкой о стену! Как же хочется иногда схватить понравившуюся девушку за грудь, завалить на стол кабинета и драть, драть, драть, не обращая внимания на ее беспомощные всхлипы, – и все это только за то, что пренебрегла мной! А уж сколько раз мне хотелось засунуть голову жены в микроволновую печь...

Что ж меня останавливает? То, что я хороший? Почему же тогда подобная мерзость периодически заползает ко мне в мозги?!

Ладно, извини, я опять отвлекся...

Мы заехали во двор элитной одноподъездной кирпичной пятиэтажки, припарковались в стороне от охраняемой стоянки, в тени деревьев.

– Уже приехали? – спросил Серега, убавляя звук на магнитоле.

– Да. Здесь он и живет.

– А-а-а, мудило грешное, – протянул Серега. – Сова, открывай, медведь пришел.

– Успокойся, брат! – едва сдерживая смех, бросил я.

Похоже, Серега недавно пересматривал всего «Винни Пуха».

Дом неплохо охранялся, двор обстреливался по периметру двумя камерами наблюдения, подвешенными на козырьке подъезда. Я остановил машину вне поля зрения какой бы то ни было охранной системы. Нас вряд ли могли застукать, но вот услышать можно было за километр.

– Так, не шуми, – скомандовал я.

Я огляделся, оценивая обстановку, и вскоре, убедившись в отсутствии свидетелей, обернулся. На заднем сиденье лежала большая спортивная сумка. Молния на ней была чуть-чуть расстегнута, и из черноты на меня зловеще зыркнула линза объектива.

Черт!

– Не пугайся, это не страшно, – вставил свои пять копеек Сергей. – Или иди искать деньги.

Клянусь, если бы не «два по полста», что согревали меня изнутри, я бы ему врезал. Ей-богу, иногда это личико плюшевого ежика просило большого кулака. Может быть, мне стоило время от времени давать волю рукам – глядишь, не докатился бы до жизни такой.

Я вынул камеру, стараясь не попадать в поле зрения объектива. Внимательно оглядел устройство, нашел нужные кнопки. Конечно, это не простой «камкордер», которым могут снимать даже дети и дегенераты, но в принципе ничего сложного нет. Я включил камеру и осторожно навел объектив на пятиэтажку. Нашел в видоискателе крыльцо.

– Что, уже колбасит? – снова влез Серега.

Я посмотрел на него, пытаюсь понять: он уже окончательно пьян и не соображает, что мы делаем, либо он меня просто подначивает?

– Отстань! – бросил я и повернулся к дому.

Скоро из подъезда выйдет Червяков. Он поедет в казино проигрывать выручку своих магазинов. Он никогда не нарушает устоявшийся за много лет график: позднее пробуждение, офис, переговоры, склад, поставки, домашний ужин и казино до трех часов утра. Затем немного сна в обнимку с любимой женой и с утра снова по тому же кругу.

Жирная сволочь. А не взять ли мне твое лицо крупным планом?

– Я пы-примерно представляю, что ты чувствуешь, – вставил Косилов. Он тянул сигаретку, прислонившись к окну. На губах его все еще играла улыбка, но в голосе появилось что-то демоническое. – Тебе кажется, что ты играешь, дурачишься, и сейчас ты, конечно, развернешь мы-машину и уедешь отсюда, к чертовой матери. Но на самом деле тебе хочется попробовать. Хочется, да?

Я молчал. Сукин сын попал в десятку, руки и ноги у меня просто плясали от возбуждения.

– Знаю, что хочется. У меня тоже все зудело пару раз, когда я уже понимал, что могу это делать, но...

Он умолк. Эта скотина, закончившая тот же факультет, что и я, прекрасно знала, как давить на психику.

– Но?... – заглотив я его крючок.

– ...но гы... гы-гы... – Он аж вспотел.

– Твою мать, Цицерон!..

– ...Гырех на душу брать не стал... Фу, блин. И ты не станешь, потому что ты человек хороший. Сейчас ты посидишь, помастурбируешь с этой штукой, а потом засунешь ее в сумку, развернешь машину и укажишь домой. А завтра начнешь обзванивать знакомых, которые могут одолжить тебе денег, а потом ты пойдешь в банк за экспресс-кредитом, чтобы честно отдать свой долг милейшему парню Максиму Червякову. Ну ты же умница!

– В банке меня пошлют. Кредитная история дерьмовая.

Я посмотрел на часы. Через несколько минут ожидается появление моего героя в секторе обстрела видеокамеры. Признаться, я чувствовал себя в некотором смысле идиотом (впрочем, чего там «в некотором смысле» – полным придурком я себя чувствовал!). Поверил в страшные сказки приятеля, который от спермотоксикоза совсем сошел с ума, а теперь сию минуту в засаде, как казак-разбойник, и готовлюсь стрелять из «Панасоника».

Я хмыкнул.

Червяк появился на крыльце секунд через двадцать. Не сходя со ступенек, нажал на кнопку брелока, открывающую замки джипа, посмотрел на небо. Очевидно, кто-то позвонил ему, потому что он тут же вынул из кармана телефон и приложил его к уху. Начал кивать и что-то гневно выговаривать.

– Да-а, блин, – протянул Серега.

Я на секунду обернулся к нему. На лице Сергея блуждала все та же улыбка Винни Пуха, но она не могла меня обмануть, я был уверен, что Косилов напрягся...

...Слушай, Миш, ты в детстве воровал яблоки? Тебя ловили?.. Ощущения свои помнишь, когда убежал от хозяина сада? Вот то-то и оно. Мы с Серегой как будто только что обчистили садовый домик, а теперь прятались в канаве и боялись вздохнуть...

Короче, я включил запись. Таймер в видеоискателе камеры начал отсчитывать секунды. Я сразу нажал кнопку наезда, и Червяк в кадре стал плавно увеличиваться в размерах. Я приблизил его максимально и смог увидеть недельную щетину на подбородке и царапину на мочке уха. Макс лоснился и обильно потел – еще пару лет сытой жизни, и сердце откажется прокачивать этот огромный кусок теста.

Червяк прекратил разговор, сел в машину и завел двигатель. Съемка продолжалась. Я выключил камеру, только когда джип моего кредитора скрылся за углом. Бросив «Панасоник» обратно в сумку, я первым делом обернулся к Сереге. На лице у моего друга застыла какая-то странная гримаса – не то ужаса, не то благоговения.

Я почему-то вспомнил фразу, произнесенную персонажем Кевина Спейси в «Красоте по-американски»: «Кажется, ты только что стал моим кумиром».

– Вавилов, псих, отведи меня да-да-мой, – выдал Серёга... и начал смеяться.

Я смахнул пот со лба и, кажется, тоже хихикнул.

Жена Светка уже легла, повернувшись спиной к моей половине кровати. Я стоял в проеме двери спальни и долго смотрел на нее. Спит или нет? Пожалуй, притворяется, потому что не проснуться от скрипа нашей входной калитки невозможно. Тем более человеку с таким чутким сном, как у нее.

– Света, ты спишь? – спросил я тихо.

Никакой реакции.

– Свет!

Тишина. Только тюлевая занавеска дрогнула от сквозняка.

Иногда, когда я вижу ее спящей – такой забавной, губастенькой, помятой, – во мне что-то эдакое просыпается. Я начинаю думать, что все-таки можно всю жизнь любить одну женщину и испытывать к ней определенный интерес. Можно. Но такие моменты коротки, до слез коротки.

Я выключил свет в коридоре, оставив спальню во тьме, и отправился принимать душ. Там я возился минут пятнадцать – никак не хотел выползть из-под теплых струй. Когда закончил и выходил из ванной, вытирая голову полотенцем, увидел в темноте спальни два глаза.

Я чуть не заорал!

Светка, натянув одеяло до подбородка, смотрела на меня с ненавистью... и печалью.

Утром мы с ней не разговаривали. Я плохо спал этой ночью, до четырех часов ворочаясь на диване в своем кабинете, а Светка, судя по выражению лица, отдохнула как следует (мне тогда даже в голову не пришло, что она не видела меня почти двое суток и сильно перенервничала). Она не смотрела на меня, молча сидела напротив и небрежно поглощала бутерброды. Даже на мое будничное «привет» она никак не отреагировала.

На второй чашке кофе мое терпение лопнуло.

– Так и будем дуться? – буркнул я и стал всматриваться в ее лицо, надеясь увидеть хоть какое-то осмысленное движение мышц. Но не увидел ничего.

– И что у нас опять случилось? – продолжил я. – Месячные? С мамой поссорились? Еще что-нибудь? Почему каждый раз за твое плохое настроение должен отвечать я?

Она сломалась. Поставила чашку на стол, отложила бутерброд и буквально пригвоздила меня взглядом к стене.

– Ты ни за что не отвечаешь в принципе. У тебя кризис среднего возраста, у тебя депрессия – ты можешь позволить себе исчезнуть, не говоря ни слова, на всю ночь. Все нормально! Какая, к черту, разница, что у нас случилось? Я уже сказала, что собираюсь подать на развод. Я не шутила.

Я вздохнул. Черт побери, так и есть: тот прилив нежности, который неожиданно настиг меня вечером, когда я созерцал ее спящую в спальне, был всего лишь миражом, и сейчас в свои права вступают совершенно другие чувства.

– Снова запела свою любимую песню, – проговорил я. – Мужика нет, хочется ласки, любви... бла-бла-бла.

– В десятку!

Она ушла, не закончив трапезу. Проходя мимо, задела полкой халата мое колено. От нее пахло чем-то сладким. Никогда не мог понять, почему женщины при любых кризисах умеют оставаться свеженькими и благоухающими, как утренние розы, а мужики, стоит им немного получить от жизни под зад коленкой, становятся похожими на обезьян в муниципальном зоопарке.

– Света!

Она не ответила, прошаркала тапками в гостиную.

– Ну и подавай, дура, если других способов не знаешь!

Я уткнулся взглядом в тарелку с бутербродами. С чего я решил, что хочу есть?!

Мы прожили с ней под одной крышей три года, и сейчас мне уже трудно однозначно ответить на вопрос, была ли когда-нибудь между нами настоящая любовь. В этом смысле я полностью метеозависимая особь. Если в окно заглядывало солнце, бумажник распухал от наличности, а Светка при этом не вспоминала старые обиды, мне казалось, что я ее обожаю, что ближе человека на свете нет, что я вот прямо сейчас, не сходя с этого места, возьму ее на руки и унесу к звездам. Но стоило колесу фортуны сделать лишний оборот, а моей «благоверной» (тьфу, ненавижу это слово!) начать копаться в причинах своих несчастий, как мой мозг начинала пронзать одна и та же поганенькая мысль: «Брось ее! Брось! Уходи отсюда! Не трать свою жизнь на человека, который отнимает у тебя энергию, который питается от тебя, как от батареек. Тебе еще нет сорока, в конце концов! Даже тридцати пяти нет!»

Впрочем, если успокоиться и подумать, то можно прийти к выводу, что свою супругу я сотворил собственными руками.

Мы познакомились, когда ей было 17, а мне уже 28. Я – стреляный воробей, не собравший еще все хлебные крошки, разбросанные на пути; она – испуганная канарейка, покинувшая благоустроенную родительскую клетку. В каком-то из заезженных небесных сценариев, видимо, было написано, что между нами что-то сверкнет, и оно так сверкнуло! Девчонка влюбилась, со временем влюбив в себя и стреляного воробья. Она еще думала, что слово «Любовь» пишется с большой буквы, а те сложносочиненные предложения, в которых это слово фигурирует, заканчиваются красивым и поэтичным многоточием. Счастливая была девочка. Что ж я с ней сделал?

Не знаю что, но вслух я в этом никогда не признаюсь!

Получается, что она всему училась у меня – ревности, страсти, флирту, бесконечному и нервному ожиданию. Вере. Любовным позам, в конце концов! Училась сначала робко, полностью доверяя моему «богатому жизненному опыту», затем уже активнее вовлекаясь в процесс, а еще позднее и начиная проявлять инициативу. И не только инициативу – характер! А он у нее, если использовать литературный штамп, оказался отлитым из серьезного сплава, используемого, наверно, в строительстве «шаттлов». Дури – до фига! Но стержень, на котором эта дурь держалась, был тверже титана. Так что ничего странного не было в том, что уже через пару лет она меня «делала», что называется, с полоборота.

Да, всего через пару лет – после всех своих загулов, депрессий, метаний и колебаний – я имел репутацию уже не прекрасного принца, а какой-то его неудавшейся китайской подделки. Настоящий принц рано или поздно, конечно, появится, и когда это случится, имитации придется отправиться на склад.

«Сам виноват. Твоя супруга – твоих рук дело. Может быть, стоило быть чуть мудрее, чуть терпимее. Чуть ласковее, в самом деле, как она говорит? Глядишь, все пошло бы по-другому. А?»

Возможно. Но можете меня пытаться – не расколуюсь.

Я вздохнул и, нажав кнопку покрытого слоем жира дистанционного пульта, включил телевизор...

Черт меня подери, вот тут-то я и вспомнил! ВСПОМНИЛ ВСЕ, ЧТО МЫ ВЧЕРА НАТВОРИЛИ. Почему не сразу, как только проснулся? Не знаю, наверно, потому, что совесть чиста.

– «...узнать известного предпринимателя Максима Червякова оказалось возможным только по отпечаткам пальцев», – пробубнил корреспондент из криминальной хроники местного телеканала.

Я уронил пульт.

Михаил

Декан психологического факультета профессор Саакян не ошибся, говоря о том, чему был обязан Михаил своими нынешними успехами. Нужно было лишь внести небольшое уточнение: всем этим он обязан падению с качелей, двухминутной клинической смерти и счастливому воскресению. С «того света» (впрочем, побывал ли он там, Миша до сих пор точно не мог сказать) его вытащила прабабушка по материнской линии Юлия Геннадьевна Фромм, потомственная колдунья и психиатр, которая провела треть жизни в лагерях за подпольное врачевание. Бабушка всегда говорила, что прожила свою длинную и по большей части глупую жизнь только «ради одного, но очень большого дела». Эта святая и нескрываемая убежденность вызывала у окружающих лишь брезгливые ухмылки («Старуха из ума выжила, не иначе!»), но ровно до того дня, когда лежащий на коленях у бабули в полной отключке семилетний сорванец открыл глаза и сказал, что «летать – это классно!».

Случилось это солнечным сентябрьским днем 1990 года. Михаилу было семь, прабабушке – семьдесят два. Когда первоклассник вернулся из школы, бабуля накормила его супом с макаронами и кусочками чудом раздобытой говядины, а потом повела гулять. В детстве Миша был мальчиком довольно подвижным, и ему очень нравились качели в соседнем дворе – те самые качели, которые наводили ужас на всех без исключения родителей из окрестных домов. По конструкции они были похожи на насос, качающий нефть, дети на них не сидели, а висели, схватившись руками за перекладины. Любое неловкое движение или ослабление хватки – и ребенок либо улетал вверх, как ракета, либо падал вниз с приличной высоты.

Мишке, увы, выпало второе.

Вдвоем со школьным приятелем они успели качнуться всего пять раз. Бабушка сидела рядом на лавочке, спокойно дышала воздухом и думала, где бы раздобыть сгущенного молока к чаю. Старая мудрая женщина почувствовала беду за несколько секунд до того, как она случилась. Юлия Геннадьевна только успела приподняться со скамейки и сделать несколько шагов, когда Михаил соскользнул со своей перекладины и рухнул вниз головой на толстые корни деревьев. Второй мальчишка, потеряв равновесие, едва не улетел на крышу стоявшего рядом гаража, но бабушке было уже не до того.

Мишка вырубился. Старому опытному медику, точнее, колдунье, ничего не стоило определить состояние клинической смерти, и бабуля сразу поняла: у нее есть всего несколько минут, чтобы «свершить главное дело всей своей жизни, ради которого она терпела лишения».

Что она делала с мальчишкой, доподлинно не знает никто. Свидетели этого «родительского кошмара» только наблюдали, как Юлия Геннадьевна, крикнув кому-то в сторону «Вызовите „скорую“!», положила голову Михаила себе на колени и начала поглаживать ее, что-то нашептывать ему прямо в ухо. Большинство очевидцев решило, что старая женщина так горько и беззвучно оплакивает своего правнука, но те, кто стоял ближе, видели и слышали несколько больше. Хотя и они ничего не поняли.

Приехавшая на место бригада медиков констатировала: у пацана несколько ссадин, «легкое сотрясение мозга» и шок. Им и в голову не могло прийти, что всего несколько минут назад мальчишка практически не было в живых. Они поняли это позже, уже после внимательного обследования в больнице, но там, во дворе, они просто обругали бабушку за попустительство, а сотрудников ЖЭКа – за систематические покушения на убийства.

После того жутковатого случая от смертоносных качелей осталась только одна металлическая стойка. Выкорчевывать ее из земли коммунальщикам было лень.

После краткого ознакомительного визита на тот свет Михаил Поречников немного изменился. Внешне он оставался таким же подвижным, любознательным и в меру покладистым мальчиком, но те, кому выпадало счастье тесно пообщаться с ним, находили в нем нечто новое.

Он начал подолгу вглядываться в глаза собеседникам, и взгляд его в эти минуты становился стеклянным. Одноклассникам стало казаться, что в процессе общения Миша куда-то улетает и уже не слышит, что ему говорят, но это было не так. На самом деле юный Михаил учился «сканировать».

То, что он узнавал в результате подобного исследования, зачастую его озадачивало. Например, взяв однажды за руку своего закадычного друга Ваську Конюхова, троечника и приличного раздолбая, ненавидящего девчонок, Миша узнал, что в душе Василий просто высох от любви – насколько вообще могли сохнуть от любви учащиеся третьего класса общеобразовательной школы в далеком 1993 году. Задав несколько наводящих и «прошупывающих» вопросов, Мишка узнал, кто именно являлся объектом фантазий Васьки во время его сеансов онанизма. Кстати, и онанизм его он «увидел» сразу, хоть сам Васька и уверял, что этой заразой занимаются «только придурки всякие» (странно, но себя Миша придурком почему-то не считал).

Результаты исследований настолько ошеломили и вдохновили Михаила, что он даже не попытался выяснить, откуда на него свалилась этакая благодать и что ему с ней делать. Он просто наслаждался своими новыми способностями, используя их исключительно в развлекательных целях.

Со временем он научился угадывать настроение и даже физическое состояние учителей и соответственно правильно моделировать собственное поведение у доски. К шестому классу он мог определить примерный диапазон тем для экзаменационных сочинений и степень сложности контрольных по алгебре, а в восьмом он сделал для себя новое открытие, обнаружив, что может снимать головную боль. Он просто немного погладил по голове свою соседку по парте, звезду класса Жанну Жданову, которая часто жаловалась, что ни черта не запоминает и не видит, что написано на доске. Учителя быстро нашли этому объяснение: Жанна просто ленится, не желает учиться, а потому карьера шлюхи при богатом женатом мужчине ей обеспечена. Однажды девчонка разрыдалась, увидев в тетради жирную «двойку» за плохо сделанное домашнее задание. Михаил подсел рядом, в шутку начал ее жалеть... и почувствовал, как по руке его протекает что-то холодное и колючее, пульсирующими волнами плывет от кисти к плечу и дальше – в никуда. Он остановился, но Жанка, курва, повернув к нему заплаканное, но по-прежнему красивое личико, попросила продолжать.

После уроков в коридоре первого этажа она подошла к нему и сказала очень серьезно:

– Поречников, я теперь обязана на тебе жениться!

– В смысле?

– У меня башка перестала болеть после твоих поглаживаний! А она у меня все время болела! Мишка, ты – просто обалдеть!..

И пошла себе.

В тот же вечер Михаил явился на кухню к матери. Потомственная учительница младших классов сидела в обнимку с чашкой холодного чая, курила длинные ментоловые сигареты и читала какой-то глянцевого журнала. Появление сына на кухне в столь важный момент (никто не смел мешать маме пить холодный чай и курить на кухне после тяжелого трудового дня) ее удивило.

Здесь стоит сказать, что к шестнадцати годам родители почти окончательно махнули на Мишку рукой. Отец, потомственный крановщик и постоянный участник гаражно-кооперативных чемпионатов по литрболу, понял, что «нормального мужика и наследника», спо-

собного заколачивать бабки, из сынули точно не получится – слишком уж он интеллигентный для этого. А мать, в свою очередь, пришла к выводу, что для настоящего представителя авангарда интеллигенции он слишком беспечен и недостаточно амбициозен. Он даже учится хорошо не потому, что это нужно для поступления в вуз, а как-то невзначай, без всякой видимой причины и как будто даже с удовольствием, словно смакует свое любимое томатное мороженое. Потомственной учительнице младших классов это казалось дикостью.

– Случилось чего, Миш? – встрепелась мама.

Парень, наливая себе в чашку кипяток из электрического чайника, посмотрел на нее рассеянно.

– Все в порядке, мам.

– Уверен?

– Абсолютно.

Мать хотела было вернуться к чтению, но краем глаза заметила в кармане спортивных штанов Михаила синюю обложку маленького издания Евангелия. Эти карманные сборники им в школу пару лет назад принесли какие-то миссионеры, которых проморгала охрана, но мама ни разу не видела, чтобы их в этом доме использовали по назначению, то есть читали.

У матери появились новые вопросы.

– Скажи мне, друг сердешный, к чему у тебя душа лежит? Почему я до сих пор не знаю, куда ты собираешься поступать после окончания школы? Тебе ведь всего ничего остается.

– А я этого тоже не знаю.

– А кто будет знать? Пушкин?

– Предпочитаю Достоевского.

– Тебя привлекает депрессивная литература?

– Он не депрессивен, – снисходительно улыбнулся Михаил, – он реалистичен.

Мама сделала паузу, внимательно посмотрела на коротко стриженный затылок сына, будто могла там что-то вычитать.

– Миша, у тебя есть девушка?

Сын повернулся к ней. Он размешивал сахар в чашке, стуча ложечкой по стенкам. Маму это жутко бесило – Мишка всегда стучал ложкой и даже как будто медитировал под эти мерзкие звуки.

– Зачем тебе это, мам?

– Что зачем? Зачем знать? Тебе не кажется, что это нормальный вопрос для матери шестнадцатилетнего юноши?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.